

Библейско-богословская коллекция

Патрологическая серия

ПОСВЯЩЕНИЕ СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА ВО ПРЕСВИТЕРЫ

Кишневские епархиальные ведомости,
1894, ч. неофиц., № 2, с.31-42

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

КИШИНЕВСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1894.

№ 2-й. ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ. 15 Января

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Св. Григорія Богослова во пресвитера *).

Сынъ священника, матерію у Бога испрошенный и Богу посвященный еще до рожденія, св. Григорій къ Нему былъ приверженъ *отъ материнскихъ ложесть*, къ Нему стремился всѣми развивавшимся силами своей молодой и многодаровитой души. Питаясь съ дѣтства *глаголомъ устъ Божіихъ*—священнымъ писаніемъ и руководясь «совершеннѣйшими образцами» родителей, «болѣе Христолюбцевъ, нежели чадолубцевъ» ¹⁾, блаженный отрокъ предался пламенной любви къ наукамъ «съ намѣреніемъ употребить ихъ въ пособіе христіанскому просвѣщенію». Въ такомъ намѣреніи вполне онъ утвердился, когда на морѣ обуреваемый и грозимый смертію, онъ молился Христу: «Твой я былъ прежде,

*) Источникъ статьи: Творенія св. Григорія, изданныя въ русскомъ переводѣ, при Московской духовной академіи. 1843 г., 1844, 1847 и 1848 г.

¹⁾ О родителяхъ св. Григорія можно найти свѣдѣнія въ тѣхъ же твореніяхъ его, а также въ «Историческомъ ученіи объ Отцахъ Церкви», преосвящ. Филарета, Архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Спб. 1859. т. II, §§ 142—156, стр. 158—208.

Твой и теперь. Ты двукратно примешь меня, какъ одно изъ дорогихъ для Тебя достойнй, какъ даръ суши и моря, очищенный и матернимъ обътомъ и чрезмѣрнымъ страхомъ. Для Тебя буду жить, если избѣгну сугубой опасности»²⁾. Спасенный Богомъ отъ потопа въ морѣ, богобоязненный юноша сдержалъ свой обътъ: «Воспріявшему и Спасшему его добровольно отдалъ все — и имѣнїе, и знатность, и здоровье и самый даръ слова»: возвратясь къ родителямъ, принялъ крещенїе. Тѣмъ не менѣ Григорій желалъ служенїя Богу не священническаго, а подвижническаго. «Мнѣ казалось, — потомъ признавался онъ, новорукоположенный священникъ, всенародно, — что всего лучше, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самого себя, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго и носить въ себѣ Божественные образы, всегда чистые и не смѣшенные съ земными и обманчивыми впечатлѣнїями, быть и непрестанно дѣлаться истинно-чистымъ зеркаломъ Бога и Божественнаго, прїобрѣтать ко свѣту свѣтъ, къ менѣ ясному — лучезарнѣйшій, пожинать уже упованїемъ блага будущаго вѣка, сожительствовать съ ангелами, и находясь еще на землѣ, оставлять землю и быть возносиму духомъ горѣ». Какъ ни свято было такое желанїе и какъ ни сильно стремился къ его осуществленїю св. Григорій, особенно когда предвкусилъ сладость желаннаго подвижничества въ пустынѣ друга своего, св. Василия Великаго, — однако же оно не исполнилось дѣломъ, по крайней мѣрѣ въ такой полнотѣ, какой жаждалъ молодой и пламенный любитель подвижничества. Точно, онъ отказался отъ всего чувственнаго, питался хлѣбомъ съ солью, пилъ одну воду, спалъ на голой землѣ, одѣвался грубымъ платьемъ, но все же жилъ въ родительскомъ домѣ и помогалъ старѣвшимъ родителямъ въ домашнихъ занятїяхъ. Впрочемъ, такую жизнь онъ не тяготился. Зная, что «всего благочестивѣе первую по Богѣ честь воздавать родителямъ, которымъ мы обязаны и тѣмъ, что познаемъ Бога», — онъ лелѣялъ ихъ ста-

²⁾ Въ то время 25-лѣтнїй Григорій еще не былъ крещенъ, потому и опасался умереть смертїю не только тѣлесною, но и душевною.

рость, поддерживалъ всѣми силами, водилъ ихъ за руку, чтобъ самому имѣть счастливую старость, угождая ихъ старости. Монашескую жизнь онъ признавалъ не въ тѣлесномъ мѣстопробываніи, но въ обузданіи права,—а потому находилъ любомудріе и въ томъ, чтобы незамѣтно для другихъ «трудиться для жизни превосходнѣйшей» и «въ болѣе мѣрѣ надѣлѣ быть, чѣмъ только казаться угождающимъ Богу». Церковная же кафедра была для него досточестна; но ему, стоявшему отъ нея вдали, «представлялась она тѣмъ же, чѣмъ солнечный свѣтъ бываетъ для слабыхъ глазъ»; смиреннѣйшій Григорій не искалъ ея, даже не думалъ о ней, — и однако-же ее получилъ онъ

Отецъ Григорій, въ санѣ епископа правя Назіанскою Церковью, хотя и зналъ «въ точности» мысли и желанія своего сына, однако рѣшился сдѣлать его помощникомъ себѣ и въ управленіи церковномъ. Что привело старца къ такой рѣшимости? Конечно, не одна отеческая любовь, желавшая «удержать» сына при себѣ «духовными узами» и «почтить лучшимъ изъ своихъ правъ», именно — рукоположеніемъ во пресвитера. Конечно, старца къ сему расположило не одно желаніе — въ исполненіи пастырскихъ обязанностей пользоваться могучимъ содѣйствіемъ роднаго и высокообразованнаго подвижника. Сверхъ всего этого, тутъ необходимо допустить внушеніе свыше. Зажженный свѣтильникъ, по Евангельскому уподобленію, необходимо было поставить на свѣщникъ, да свѣтитъ не одной семьѣ, а и на свѣѣ. Не потому ли св. Григорій и скоро подчинился волѣ престарѣлаго отца, что ощущалъ въ ней проявленіе Божественной воли? Онъ принялъ благодать священства въ праздникъ Рождества Христова 361 г.

И все же, въ своемъ рукоположеніи св. Григорій видѣлъ «принужденіе», отъ котораго «такъ сильно возскорбѣлъ, что забылъ все — друзей, родителей, отечество, родъ и — какъ волъ, уязвленный слѣпнемъ, ушелъ (въ праздникъ Богоявленія) въ Понтъ, надѣясь тамъ въ Божественномъ другѣ найти себѣ врачевство отъ горести». Онъ скорбѣлъ не только о принужденіи, оторвавшемъ его отъ пустыннаго уединенія, но и по сознанію важности и трудности священнаго сана, имъ принужденно — принятаго. Онъ думалъ, что

«надобно прежде самому очиститься, — а потомъ уже очищать другихъ; самому сперва умудриться, — а потомъ умудрять паству; стать духовнымъ свѣтомъ и затѣмъ къ истинному Свѣту-Христу приводить пасомыхъ; самому освятиться прежде, чѣмъ святыми Таинствами Церкви осващать многихъ; руководителю необходимы руки; совѣтнику потребно благоразуміе» Въ пустынь Василіевой св. Григорій нашель. чего искалъ «Божественный другъ облегчилъ скорбь сердца его». Между тѣмъ добрый отецъ, изнемогавшій отъ старости и желанія имѣть сына при себѣ, много убѣждалъ его почтить послѣдніе дни его жизни. «Слезныя отеческія угрозы» не могли не тронуть любящаго сына: онъ возвратился въ Назіанзъ Въ день Пасхи онъ уже говорилъ пасомымъ отца своего: «Воскресенія день — благопріятное начало. Просвѣтимся торжествомъ и обьемемъ другъ друга. Рцемъ: *братіи* и ненавидящимъ насъ (Ис. LXVI, 5), кольми паче тѣмъ, которые изъ любви что нибудь сдѣлали или потерпѣли. Уступимъ все Воскресенію, простимъ другъ друга: и я (упомяну о семь теперь), подвергнѣйся доброму принужденію, и вы, употребившіе доброе принужденіе, хотя нѣсколько и сѣтуете на меня за умедленіе. Можетъ быть, предъ Богомъ оно лучше и драгоцѣннѣе, нежели поспѣшность другихъ Хорошо и уклоняться нѣсколько отъ призванія Божія, какъ въ древности поступилъ Моисей, а послѣ Іеремія; хорошо и поспѣшать съ готовностью на гласъ Зовущаго, какъ Ааронъ и Исаія, только бы то и другое было по благочестію, — одно по причинѣ собственной немощи, а другое въ надеждѣ на силу Зовущаго Въ день таинства помазанъ я; въ день таинства удалился не — на долго, чтобы испытать самого себя; въ день таинства и возвращаюсь, избравъ сей день добрымъ попечителемъ моей боязливости и немощи, дабы Воскресшій нынѣ изъ мертвыхъ и меня обновилъ Духомъ, и облекши *во новаю чловѣка для новой твари*, для рождаемыхъ о Богѣ, сдѣлалъ добрымъ образователемъ и учителемъ, съ Нимъ охотно и умирающимъ и воскресающимъ». Не многіе, впрочемъ, встрѣтили возвратившагося изъ пустыни пресвитера своего, не многіе слушали и первое его слово; большинство же паствы, не зная чистоты побужденій, расположившихъ Григорія уклониться на время отъ ново-

принятыхъ обязанностей, было имъ недовольно и само уклонилось отъ наставленій его. Огорченный этимъ Григорій обратился къ нему съ кроткимъ укоромъ любящаго сердца: «Что не спѣшите къ нашему слову, о други и братія, нѣкогда столь скорые на то, чтобы принудить меня и извлечь изъ моей твердыни, то есть, изъ пустыни, мною болѣе всего возлюбленной, особенно чтимой и признанной руководительницею остальной жизни, содѣйственницею и матерью божественнаго восхожденія къ обоженію? Зачѣмъ то, что желали получить, пренебрегаете по полученіи? Зачѣмъ, по видимому, лучше умѣете желать насъ, когда насъ нѣтъ, нежели пользоваться отъ насъ, когда мы съ вами, словно вы хотѣли только овладѣть нашимъ любомудріемъ, а не извлекать изъ него пользу себѣ? Или же прилично мнѣ сказать и сіе: *быхомз вамз вз сытость* (Ис. 1, 14), и притомъ — странное дѣло — прежде, чѣмъ насъ вкусили и испытали? Даже какъ странника, вы не ввели меня, или, — скажу сострадательнѣе, — не введены и вы со мною, когда по крайней мѣрѣ подлежало уважить хоть заповѣдь. Мнѣ начинающему не дали вы руководства, не ободрили меня робкаго, не утѣшили потерпѣвшаго насиліе. Напротивъ того, — не хотѣлъ бы сказать, а скажу, — и праздникъ вы обратили для меня не въ праздникъ, принявши меня не съ добрымъ предвѣстіемъ, и торжество растворили печалію, когда къ полнотѣ сердечнаго удовольствія, здѣсь не доставало васъ, моихъ побѣдителей, — не смѣю сказать: любителей. Такъ легко пренебрегается, что удобно препобѣждается; работнѣно читится высокое, и безчестится смиряющееся предъ Богомъ... Чего вы хотите? Судиться ли мнѣ съ вами, или стать судьей? Произнести ли приговоръ, или подвергнуть себя приговору? Ибо надѣюсь, что и судимый я одержу верхъ, и пропиздося судъ, осужу васъ праведно. Виноваты вы, не равною мѣрою воздающіе за мою любовь, не отдающіе чести моему послушанію, и нынѣшняго усердія не принимающіе порукою за будущее, хотя при самомъ усердіи едва ли можно положиться на это будущее; ибо у всякаго болѣе горячности въ началѣ. Видно каждый изъ васъ предпочитаетъ что нибудь и старому и новому своему пастырю, не уважая сѣдинъ перваго и не ободряя юности послѣдняго».

Вскорѣ за такимъ изліяніемъ своего любящаго негодованія, св. Григорій, для окончательнаго своего примиренія съ друзьями и братьями своими, произнесъ третье пространное слово, въ которомъ, съ благородною откровенностію праваго сердца, высказалъ: что побудило его изъ Назіанза послѣ посвященія удалиться въ пустыню и оттуда безъ долгаго замедленія возвратиться къ отцу и къ паствѣ. Громовая неожиданность его посвященія, съ новою силою имъ овладѣвшая при этомъ «привязанность ко благу безмолвія и уединенія» и стыдъ за другихъ, «которые съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло»,—всѣ эти причины удаленія его обозначены слегка, представлены какъ бы мимоходомъ. Но «последняя причина» — важность и трудность священства — составляетъ «главнѣйшее въ словѣ»,—почему и раскрыта проповѣдникомъ съ поразительною силою краснорѣчія, дышащаго сердечнымъ убѣжденіемъ.

«Я не думалъ,—такъ проповѣдникъ начинаеть излагать эту последнюю причину,—я не думалъ и теперь не думаю, чтобы одно и тоже значило—водить стадо овецъ или воловъ и управлять человѣческими душами. Тамъ достаточно воловъ или овецъ откормливать до тучности, а для того ихъ водить на злачныя мѣста, обильныя водою, иногда перегонять стада съ одного пастбища на другое, давать имъ отдыхъ, поднимать съ мѣста и собирать иныхъ—жезломъ, а большую часть—свирѣлью. У пастыря овецъ и воловъ нѣтъ другаго дѣла, если порою не придется ему повоевать немного съ волками и присмотрѣть за больнымъ скотомъ. Всего же больше озабочиваютъ его дубъ, тѣнь, свирѣли, и лежанье на прекрасной травѣ, у студеной воды, подъ вѣтеркомъ временное изъ зелени ложе, иногда съ стаканомъ въ рукѣ пѣніе любовной пѣсни, разговоръ съ волами или овцами, да изъ нихъ же пожиріѣе пища или продажа. А о добродѣтели овецъ или воловъ никто изъ пастуховъ никогда не заботится. Ибо что у нихъ за добродѣтель? И кто изъ пастуховъ предпочиталъ собственному увольствію полезное для стада? Но человѣку, съ трудомъ умѣющему бытъ подъ начальствомъ, кажется, еще труднѣе—умѣть начальствовать надъ людьми, особенно —имѣть такое началь-

ство, каково наше, основанное на Божіемъ законѣ и возводящее къ Богу, — при большей высотѣ и достоинствѣ, больше опасное даже для имѣющаго умъ. И онъ, во 1-хъ, подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всякомъ обстоятельствѣ и дѣлѣ не долженъ звучать, какъ поддѣльная и нечистая монета, не долженъ нисколько содержать въ себѣ дурной примѣси, требующей сильнѣйшаго огня. Иначе, тѣмъ большее произойдетъ зло, чѣмъ больше людей попадетъ подъ начальство; вѣдь порокъ, распространяющійся во многихъ, вреднѣе порока, сосредоточеннаго въ одномъ человѣкѣ. И ткань не такъ удобно проникается невыводимой краскою, — и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловошіе или благовошіе. — и въ воздухѣ не такъ быстро разливается и сообщается животнымъ какое нибудь вредное испареніе, производящее заразу, какъ скоро подчиненные обыкновенно усвояютъ себѣ пороки начальника, притомъ пороки гораздо легче, чѣмъ противодѣйствующую пороку — добродѣтель. Тутъ порокъ и беретъ особенно верхъ надъ добродѣтелью. И я болѣе всего скорблю при мысли, что порокъ такъ удобно-возбудителенъ къ подражанію и легко заразителенъ, — вѣдь всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя бы никто насъ въ томъ не руководствовалъ; а напротивъ, усвоеніе себѣ добродѣтели и рѣдко и трудно, хотя бы и много къ ней влекло и побуждало. Добродѣтель неудобопріемлема для человѣческой природы, какъ и огонь для иного вещества; но большая часть людей готовы и способны усвоить себѣ худое, подобно тростнику, легко воспламеняющемуся по сухости своей, и при вѣтрѣ сгорающему даже отъ искры. Ибо всякій человѣкъ скорѣе въ большей мѣрѣ усвоитъ себѣ малый порокъ, чѣмъ высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ. Такъ небольшое количество полыни тотчасъ сообщаетъ горечь свою меду, а медъ и въ двойной мѣрѣ не сообщаетъ полыни своей сладости. Выдерни малый камень изъ плотины: онъ повлечетъ за собою всю рѣку на открытое мѣсто; удержать же и преградить ее едва возможетъ и самая твердая плотина. И такъ первѣе всего намъ должно бояться, какъ бы не оказатъся дурными живописцами чудной добродѣтели, особенно же негоднымъ подлинникомъ для другихъ живописцевъ, можетъ быть — и не худыхъ, но

многихъ, или какъ бы намъ не подойти подъ поговорку: «беремъ лечить другихъ, а сами покрыты струнами». Далѣе, если-бы кто изъ насъ и сохранилъ себя по возможности чистымъ отъ всякаго грѣха, — то все же не знаю еще, довольно ли и этого для начинающаго учить добродѣтели. Кому ввѣрено сіе званіе, тотъ долженъ не только быть безпорочнымъ (порокомъ гнушаются и многіе изъ подчиненныхъ ему); но еще и отличаться добродѣтелію, по заповѣди, повелѣвающей уклоняться отъ зла и сотворить доброе (Пс. XXXVI, 27). Онъ обязанъ не только изглаждать въ душѣ своей худыя образы, но и напечатлѣвать въ ней лучшіе, преуспѣвать въ добродѣтели тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ онъ выше ихъ достоинствомъ. Онъ долженъ даже не знать мѣры въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенству; долженъ почитать не столько прибылію имъ уже пріобрѣтеннаго, сколько потерію еще не достигнутаго; усвоенное же себѣ обращать всегда въ ступень къ вышему совершенству, — и притомъ не высоко мудрствовать о себѣ, хотя бы и превзошелъ многихъ, — но признавать для себя урономъ свою не полную соотвѣтственность священному сану. Онъ долженъ свои успѣхи измѣрять заповѣдію, а не примѣромъ ближнихъ (порочны ли они, или усиѣваютъ нѣсколько въ добродѣтели); на малыхъ человѣческихъ вѣсахъ не взвѣшивать добродѣтель, какою обязаны мы Великому Богу, отъ Котораго все и для Котораго все; отнюдь не думать, будто всѣмъ прилично одно и то же, такъ какъ не у всѣхъ одинъ и тотъ же возрастъ, однѣ и тѣ же черты лица, когда не одинакова и природа животныхъ, не одинаковы качества земли, красота и величіе свѣтилъ. Болѣе того, если въ простомъ мірянинѣ признается порокомъ сдѣланное имъ зло, обличаемое и строго наказываемое закономъ, — то въ начальникѣ и особенно въ предстоятелѣ Церкви кажется недостаткомъ даже то, если онъ не достигъ возможнаго совершенства и не преуспѣваетъ постоянно въ добрѣ, — вѣдь превосходствомъ своей добродѣтели онъ долженъ располагать народъ ко всякому добру, обучая прихожанъ не приужденіемъ, а убѣжденіемъ слова и примѣра. Вообще все, что дѣлается не добровольно, а насильственно не можетъ быть вполнѣ похвальнымъ; да къ тому же оно и не прочно. Вынужденное добро подобно растенію, согнутому руками: какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обыкновен-

но оно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ, что дѣлается по свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Посему законъ нашъ и самъ законоположникъ особенно повелѣваетъ намъ *пасты стадо не нуждею, но волею* (1 Петр V, 2)

Впрочемъ, одной непорочности для пастыря словеснаго стада, по убѣжденію проповѣдника, недостаточно: нужно при этомъ и смиренномудріе. «Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ,—по мнѣнію его, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ». Въ доказательство этого, св. Григорій «врачеваніе душъ», которымъ долженъ заниматься пастырь, сравниваетъ съ леченіемъ тѣлъ». Одно трудится надъ тѣлами, —говорить онъ, —надъ веществомъ браннымъ и долупреклоннымъ, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя помощію искусства и преодолевается иногда случающееся въ немъ разстройство... А другое заботится о душѣ, происшедшей отъ Бога и Божественной, причастной горняго блаженства и къ нему стремящейся, хотя и соединенной съ худшимъ (тѣломъ). Врачъ обращаетъ вниманіе на мѣсто, случай, возрастъ, время года и тому подобное, даетъ лѣкарства, предписываетъ образъ жизни, предостерегаетъ отъ вреднаго, чтобы прихоти больного не мѣшали врачеванію; иногда же, когда и надъ кѣмъ пужно, употребляетъ прижиганіе, рѣзаніе и другіе еще жесточайшіе способы врачебной науки... Все это, конечно, и трудно и тяжело, но все же не столько какъ наблюдать и врачевать нразы, страсти, поведеніе, свободную волю и все тому подобное въ насъ; исторгать—что звѣрскаго и дикаго къ намъ пристало со стороны, а угоренять и развивать все кроткое и благородное; устанавливать надлежащее отношеніе между душею и тѣломъ, не допуская худшему преобладать надъ лучшимъ, низшее по природѣ подчиняя высшему и владычествующему, какъ того требуетъ Божій Законъ, прекрасно поставленный для всего—видимаго и сверхчувственнаго—творенія». При томъ, «охраняемое врачомъ тѣло», какъ вещество, «ни мало не злоумышляетъ и не ухищряется противъ средствъ» врачебнаго искусства; а уклоненія ка-

прияной воли больного не трудно сдержать. «Но въ насъ самихъ мудрованіе, самолюбіе—и то, что не умѣемъ и не терпимъ легко уступать надъ собою побѣду, — служить величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели и составляютъ какъ бы ополченіе противъ тѣхъ, которые готовы помогать намъ. Сколько надлежало бы прилагать старанія, дабы врачующимъ открыть болѣзнь,—столько, напротивъ того, употребляемъ усилія, чтобы избѣжать врачеванія. Мы храбры противъ самихъ себя и искусны — ко вреду своего здоровья. То рабски скрываемъ грѣхъ, утаивая его во глубинѣ души, словно загноившійся, злокачественный струпь, — какъ будто, укрывшись отъ людей, мы можемъ укрыться и отъ великаго ока и суда Божія! То подъ различными предлогами извиняемъ грѣхи свои и придумываемъ оправданія своимъ страстямъ; то заградивши слухъ, подобно аспиду глухому и затыкающему уши, всемѣрно стараемся не слышать голоса обавающихъ (Ис LVII, 5, 6) и не пользоваться врачевствами мудрости для исцѣленія душевныхъ недуговъ; то наконецъ, (какъ поступаютъ болѣе смѣлые и храбрые изъ насъ) явно не стыдимся ни грѣха, ни врачующихъ грѣхъ, а идемъ, какъ говорится, очертя голову, на всякое беззаконіе». — И опять: врачевство тѣлесное «мало заглядываетъ въ глубь, занимается же болѣе видимымъ, а наше врачеваніе и поцеленіе все относится къ потаенному сердца чловѣку (1 Петр. III, 4), и брань наша со врагомъ внутреннимъ, который, оружіемъ противъ насъ употребляя насъ же самихъ, предаетъ насъ грѣховной смерти». Къ тому же, цѣль того и другаго врачеванія такъ различна! Цѣль одного — или поддержать здоровье или благосостояніе плоти, когда есть оно, или возратить, если утрачено», хотя и неизвѣстно — полезенъ ли такой возвратъ.. А цѣль другаго врачеванія — окрылить душу, исхитить ее изъ міра и предать Богу, — сохранить образъ Божій, если цѣль, — охранить, если въ опасности, — возстановить, если поврежденъ, — ессить Христа въ сердца (Еф. III, 17) Духомъ; — словомъ: того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать Божиимъ сыномъ и причастникомъ горняго блаженства. Этого для насъ хотять и пѣстунъ законъ, и посредствующіе между Христомъ и закономъ пророки, и совершитель духовнаго за-

кона — Христось». Конечно, и «врачи тѣлѣ должны переносить труды, бдѣнія, заботы и, — какъ сказалъ одинъ изъ нихъ, — собирать себѣ скорби изъ чужихъ несчастій, и все это для того, чтобы подолѣе на землѣ прожилъ человѣкъ, иногда бесполезный.. Но намъ, когда мы въ опасности утратить спасеніе души — блаженной и безсмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за порочность, или прославляема за добродѣтель, — намъ какой предлежитъ подвигъ, и какія нужны свѣдѣнія, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самимъ уврачеваться, — чтобы исправить образъ жизни и персть покорить духу? Ибо не одинаковы понятія и стремленія у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселаго и печальнаго, у больнаго и здороваго, у начальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и невѣждъ, у робкихъ и смѣлыхъ, у гнѣвливыхъ и кроткихъ, у стоящихъ твердо и падающихъ.. Всѣ таковыя различествуютъ между собою желаніями и стремленіями, иногда болѣе, чѣмъ наружностію.. и потому не легко имѣть надъ ними наблюденіе. Какъ тѣламъ не одинаковыя даются лебарство и пища, — но иное годно здоровому, а иное больному: такъ и души врачуются различнымъ образомъ.. Для иныхъ хорошо и полезно одно, а для другихъ совсѣмъ другое.. Впрочемъ, невозможно объять мыслію и словомъ изобразить весь ходъ врачеванія. Вообще же, какъ для ходящаго по высоко-натянутому канату опасно уклоняться въ сторону, ибо безопасность его зависитъ отъ равновѣсія; такъ и въ нашемъ дѣлѣ, кто, по худой жизни или по невѣжеству, уклоняется въ ту или другую сторону, — для того очень опасно впасть въ грѣхъ и увлечь въ него пасомыхъ. Напротивъ, необходимо идти царскимъ путемъ и остерегаться, чтобы какъ сказано въ притчахъ, не уклониться *ни на десно, ни на шее* (Притч. IV, 27). Таково свойство нашихъ немощей, и отъ этого столько труда доброму пастырю, обязанному хорошо знать души своихъ пасомыхъ и быть вождемъ ихъ по закону прямаго и справедливаго пастырства, которое было бы достоинистиннаго нашего Пастырства.

Напоследокъ, касаясь «раздаянія слова, что составляетъ нашу обязанность», св. Григорій высказываетъ такія

мысли: «Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ — каждому *дали во время житомь-рив* (Луки XII, 42) слова, и съ разсужденіемъ вести домо-строительство истины нашихъ догматовъ... Для этого потребенъ Духъ, при содѣйствіи Котораго только и можно о Богѣ и мыслить, и говорить, и слушать. Ибо къ Чистому должно прикасаться одно чистое и Ему подобное.. И трудно бесѣдующему о такихъ предметахъ, особенно въ многочисленномъ собраніи людей всякаго возраста и разныхъ способностей, которое, подобно многотрудному органу, требуетъ не одинаковыхъ удареній, — трудно, говорю, найти слово, для всѣхъ назидательное и всѣхъ озаряющее свѣтомъ вѣдѣнія».. И однако же эта трудность неизбѣжна. «Если бы кто захотѣлъ укротить и сдѣлать ручнымъ много-виднаго и много-образнаго звѣря, составленнаго изъ многихъ, большихъ и малыхъ, крѣпкихъ и свирѣпыхъ звѣрей, — то, безъ сомнѣнія, потребовалось бы много труда и усилій, чтобы управлять такимъ разныхъ свойствъ чудовищнымъ существомъ; потому что не всѣ звѣри любятъ одинаковые голоса, пищу, ласки, свистъ, и другіе способы хожденія за ними; напротивъ того, для однихъ пріятно и непріятно одно, а для другихъ другое, по природѣ и привычкѣ каждаго. Что же бы надлежало дѣлать приставнику такого звѣря? Конечно — то, чтобы, — если хочешь хорошо управиться съ звѣремъ и соблюсть его, — приобрести для сего многостороннія и разнообразныя свѣдѣнія, и употреблять хожденіе, приличное каждому свойству звѣря. Такъ, поелику общее тѣло Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается изъ многихъ и различныхъ правовъ и умовъ; то предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ, относительно къ правотѣ во всемъ, такъ, сколько можно болѣе, многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно — способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ».

Съ такимъ глубокимъ сознаніемъ св. Григорій принялъ священство... А мы, братіе, какъ смотримъ на служеніе наше?

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:
info@axion.org.ru